ПАМЯТИ ДОСТОЕВСКОГО.

Гейне советует рассматривать жизнь выдающихся людей, как рассматривают солнце: на восходе и на закате, когда его величина всего яснее и взору наблюдателя не мешает ни яркий блеск светила, находящегося в своем зените, ни часто заслоняющие его облака. Следуя этому совету и обращаясь к памяти Федора Михайловича Достоевского, мы невольно останавливаемся на нескольких образах—при восходе его таланта и при закате его жизни. Вот деревянный домик на Лиговке, в котором живет и творит «уторствуя, воли ясь и спеша», великий русский критик, умевший соединить тонкое эстетическое понимание с жаждой лучших условий общественной жизни. „Белинский!—кричит ему пришедший вместе с Григоровичем Некрасов—новый Гоголь народился! и подает ему рукопись, которую ночью перед тем читал с растроганным сердцем. «Эк у вас Гоголи то словно грибы родятся, сурово говорит Белинский, но берет рукопись и, ознакомившись с нею, желает видеть автора и восторженно его приветствует. Эта рукопись называется «Бедные люди», а автор ее бледный, 23-х летний горный инженер, задумчивый и сосредоточенный в себе Федор Михайлович Достоевский. Его повесть была огромным шагом в сближении литературы с действительной жизнью на смену надуманных героев и героинь, занимающихся романтическими похождениями и удручаемых на этом пути препятствиями со стороны жестокой судьбы. Явился Гоголевский Акакий Акакиевич, один из будущих «униженных и оскорбленных», и пред читателем развернулись внешние условия, труд и радости незаметного человека. А ему на смену, в свою очередь, пришел под проникновенным взором Достоевского Макар Девушкин, душа которого раскрыта до самой глубины, с горячим сочувствием его скорбям, душевным переживаниям и страдальческой тоске по разбитым надеждам, которые вились около такой-же жертвы тяжких житейских условий. Эта повесть произвела сильнейшее впечатление и сразу прославила автора, как одного из выдающихся писателей. Но он удручен бедностью. Среди похвал и общего признания, ему приходится трудиться ради насущного хлеба. Ранняя известность, также как и ранняя власть, обыкновенно действует опьяняющим образом на молодую душу. То же происходит и с Достоевским: нервный и впечатлительный, в поспешной уверенности в себе, он отдается со страстью писательству, не дает, по удачному выражению художника Федотова, настояться своим произведениям, и ему начинает грозить разменталанта на мелкую монету и обращение в ряде вого поставщика мимолетных и нежизнеспособных литературных произведений. Наступает охлаждение окружающих, повторяющих на сменяемые стихи Тургенева, и сам Белинский начинает признавать поспешный труд своего недавнего любимца «Нервической чепухой». Ярко и красиво взошедшее солнце начинает заволакивать облака... Проходят 4 года. И перед нами—Семеновский плац в Петербурге к дюжине столбам на эшафоте привязывают 20 человек, приговоренных полевым судом за участие в «заговоре» Петрашевского, сущность которого состояла в товарищеских собраниях и обедах единомышленных молодых людей запытавшихся в тогдашнем беспрвии, бессудии зрелище крепостного права и отсутствии свободы печатного и устного слова,—собраниях которым напуганное февральской революцией правительство придавало характер активного выступления на разрушение всего государственного строя. 7 человек приговорены к смерти. На них надеты белые саваны, им предложено исповедаться перед смертью у обходящего эшафот священника, подносящего к их губам крест. Между ними и Достоевский, виновный главным образом в том, что читал на этих собраниях письмо Белинского к Гоголю, в котором «неистовый Виссарион» обращается с горькими упреками к «апостолу кнута» за его спокойное отношение и некоторое сочувствие к крепостному строю. Раздается команда, против осужденных выстраиваются солдаты, наводят на них ружья и среди смутных и отрывочных впечатлений окружающего душой Достоевского овладевает сожаление об уходящей навсегда жизни, в которой еще так многое можно бы сделать. Сейчас последует команда «пли!..» Но вдруг наступает конец этой жестокой трагикомедии, и приговоренным к смерти об'является, что милосердием монарха им дарована жизнь с ближайшим продолжением ее на каторге и затем в сибирских линейных баталионах. Достоевского отвозят в Тобольск закованным, а оттуда он совершает длинную дорогу по этапу среди клейменных на лице каторжников, бряцая кандалами, коченея и голодая, и наконец вступает в стены острога, с ужасом говоря себе: я никогда не буду больше один.—Проходят еще слишком 30 лет. Огромная зала Московского дворянского собрания переполнена публикой

собравшейся туда на литературное чтение, посвященное памяти Пушкина. Все одушевлены тем разумно-праздничным настроением, которое вызвано только что совершившимся открытием памятника Пушкина, когда, казалось, великий поэт простил обществу так долго длившееся равнодушие к его памяти и клеветническое злорадство, окружавшее его в предсмертные годы, когда справедливое признание его гения и заслуг выразилось не только в горячей любви, но и в своего рода влюбленности, привлекавшей многих не несколько раз с умиленным чувством возвращаться к этому памятнику. Среди такого все возрастающего настроения, на эстраду всходит человек среднего роста, стоящий на пороге старости, с бледным, исхудалым лицом, тихим голосом, сдержанным жестом. Он начинает говорить о Пушкине и весь преображается, его голос звучит на всю залу, глаза горят восторгом, жест становится повелительным, и с первых же слов он приобретает в свою власть всю собравшуюся толпу и держит ее в очаровании своего вдохновения более часу. Это Достоевский. Можно не соглашаться с некоторыми положениями этой речи, но тот, кто слышал ее, тот не может забыть впечатления, ею произведенного, и чувств, ею вызванных; тот может понять, какую силу может иметь живое слово, когда в нем соединяются воедино пламенная искренность, любовь к тому, что говоришь, и свободное распоряжение богатством родного языка. Все были так захвачены этой речью, что наступило по окончании ее минутное молчание, как будто никому не хотелось верить, что последнее слово уже сказано, и только затем произошел взрыв рукоплесканий, приветствий, сопровождаемых слезами; многие бросились к эстраде, стремясь обнять Достоевского или поцеловать у него руку—волнение у одного из подбежавших было так сильно, что с ним сделалось дурно, а долженствовавший говорить вслед за этим Иван Аксаков заявил, что говорить тотчас после Федора Михайловича невозможно, и просил отсрочки.

Еще немного более полугода... В день кончины Пушкина, Карлейля и Байрона за обитой обветшалой клеенкой дверью в третьем этаже огромного каменного ящика, называемого в Петербурге домом, в квартире с самой скромной, чтобы не сказать бедной—обстановкой лежит тело только-что умершего от разрыва легочной артерии, писателя, на лице которого написана таинственная радость сбывшейся уверенности. Это тот, чье появление в последние 2 года в разных собраниях вызывало восторженные овации присутствовавших и пред чьим наскоро набросанным портретом будут стоять в грустном раздумьи посетители Пушкинского вечера, на котором он должен был читать, со свойственным ему глубоким выражением, стихи поэта, им столь любимого, но куда он не пришел, потому что дорогу ему заступила смерть—это снова Достоевский...

А через 2 дня от далекого Кузнечного переулка и Ямской протянулась длинная цепь депутаций с венками и хоругвями, предшествующая гробу, несомому на руках до Александро-Невского кладбища самыми разнообразными поклонниками его многостороннего творчества: студентами и министрами, писателями и артистами и товарищами по эшафоту Плещеевым и Пальмом. Таких общественных похорон Петербург еще не видывал в своих стенах.—В них не было ни официальности, ни партийности, ни показной осиротелости,—все было внушительно, величаво и вместе просто,—на всем чувствовалось сознание глубокого значения и незаменимости потери, за которою должно начинаться настоящее бессмертие.

Таков был закат Достоевского.

А. Ф. Кони.

Война и милитаризация общества.

„Сходные причины в сходных условиях вызывают сходные следствия". Основной принцип науки.

§ 1.

Одним из многочисленных следствий длительной и томительной войны является изменение социальной организации воюющих групп в сторону приближения ее к типу военно-социалистического общества. Этот термин я беру у В. И. Ленина, введшего его в наш обиход. Условимся, что следует понимать под таким названием.

Идеально-предельным военно-социалистическим обществом является такое где: 1) об'ем вмешательства, опеки и регулировки жизни, поведения и взаимоотношений граждан со стороны власти безграничен, 2) об'ем автономии «самоопределения» его членов в области своего поведения и взаимоотношений ничтожен, близок к нулю.

Это—общество, где власть и ее агенты регулируют и нормируют решительно все поведение и все взаимоотношения граждан: их дея-

тельность, профессию, одежду, пищу, жилище, верования, убеждения, вкусы, брак, число детей и т. д. Иными словами, здесь все взаимоотношения: экономические, семейные, брачные, правовые, религиозные, научные, эстетические и т. д. предоставлены не частному усмотрению и инициативе членов общества, а целиком устанавливаются и нормируются властью, сверху и централизованно. Люди здесь не автономные личности, а направляемые и управляемые властью; не нечто самоценное, а простая собственность последней. Говоря юридическим языком здесь нет совершенно частно-правовых отношений, а все отношения—публично правовые, регулируемые сверху.

Из этого определения вытекают следующие характерные черты такого общества. 1) Компетенция власти здесь абсолютна и неограниченна. Власть здесь выше закона, «что власти угодно, то и имеет силу закона». Подданные как солдаты в строю, должны беспрекословно повиноваться всем велениям правительства. Нет никаких «прав человека и гражданина», которые оно не могло бы отменить, нет ни одной сферы поведения, вплоть до самой интимной, которую оно не могло бы регулировать. 2) Царствует полная централизация. Частному усмотрению, личному почину, независимо от власти, здесь нет места. Децентрализованная автономия лиц и групп здесь не может существовать, 3) посему, здесь частной собственности нет и быть не может, ибо все орудия, средства производства и обращения принадлежат власти («обществу»); она регулирует и производство, и обмен, и распределение и потребление, регулирует сверху, из центра, согласно единому государственному плану. То же относится и ко всем сферам поведения граждан. Жизнь каждого из них от рождения до смерти: должен ли он жить или умереть, что делать, как делать, жениться или нет, на ком и когда, как веровать, что есть, где жить, что читать и т. д. — все это предопределено сверху. 4) класса капиталистов, как владельцев средств производства и обращения, здесь нет, ибо нет частной собственности на них. Но нет и равенства или отсутствия эксплуатации. Слоем лиц, присваивающих себе прибавочную ценность, здесь являются командующие слои общества со своими ближайшими клиентами и помощниками. 5) Все устройство общества вплоть до психики его членов приспособлено к войне и проникано милитаризмом. Здесь все делается по команде, по наряду; все, вплоть до науки, ученья и духовной жизни. Все общество представляет единый военный лагерь или осажденную крепость; всюду царствует единая военная дисциплина, пронизывающая общество снизу до верху.

Таковы основные черты идеально-предельного военно-социалистического общества.

Война, как сказано, изменяет организацию группы в сторону приближения ее к этому типу. И изменяет тем сильнее, чем, при равенстве прочих условий война длительнее, тягостнее, чем сильнее она задевает общество.

§ 2.

Спрашивается: почему же война влечет за собой такие изменения общественной организации? По многим причинам. Главнейшие из них были указаны еще Г. Спенсером, в его гениальной теории военных и промышленных обществ. [1])

Первая причина в том, что такая милитарная социализация общества требуется во время войны интересами самосохранения последнего. При равенстве прочих условий из двух воюющих обществ шансы на победу будет иметь то, где все население превращено в один лагерь, подчинено одной воле, суровой дисциплине, словом превращено в дисциплинарное войско. Каждому известно, что из двух одинаковых армий побеждает та, которая лучше дисциплинирована и подчинена воле командования. Та же, где солдаты автономны, где вместо беспрекословного повиновения приказам, они будут «митинговать» и «обсуждать»: исполнить или не исполнить приказ, (как у нас было в 1917 г.), где они будут пользоваться свободой и усмотрением в области своего поведения, такая армия будет, наверняка, бита первой. То же относится и к целому народу. В процессе естественного отбора еще выработалось такое приспособление к войне, такое изменение общества в периоды последней.

Такова первая, основная причина, (часто несознаваемая многими, вплоть до власти самого общества), которая вызывает изменение общественной организации в указанном направлении.

Рядом с ней выступают и другие. Разразившаяся война и военное обучение вообще резко меняет формы поведения населения воюющих стран. Она «отвивает» от него одни поступки и «прививает» другие, отучает его от одних форм поведения и приучает к другим.

[1]) См. Г. Спенсер: Основания социологии СПБ. 1898 г. т. I § 258 и сл., т. II § 547 и сл.

Здесь она подобна портному, который снимает с нас один костюм и надевает другой. В самом деле, война и казарма приучает людей к поведению, противоположному поступкам, прививаемым мирной жизнью. Мирная жизнь развивает у людей личную инициативу, любовь к свободе, к мирному производительному труду, уважение к человеку, к его правам и его достоянию. Она подавляет злостные поступки: убийство, насилие, разрушение, и др. преступления. Она благоприятствует развитию науки, искусства, культуры. В ней победа достается не грубой силе, а человеку, обладающему максимальными духовными способностями в разных областях жизни. Военный строй и война действуют обратно. Они непрерывно приучают солдата к рабству и повиновению. От него не требуется рассуждений, а только повиновение. Ему командуют и приказывают, а не советуются с ним. Он—простой материал в руках власти. От него не требуется личной инициативы, а только слепое и беспрекословное подчинение воле власти. Вся военная служба, вся казарменная муштровка направлена на то, чтобы сделать из него слепое орудие в руках командующих, чтобы из автономной личности создать машину, лишенную всякой автономии, целиком управляемую сверху, в конце концов, из единого центра, главного штаба. Сама военная власть деспотична по самой природе. Она внеконтрольна и неограничена. Главнокомандующий—абсолютный повелитель, действия которого не подлежат обсуждению. Его—воля закон. Его права во время войны неограничены. Сотни тысяч людей он может бросить на смерть и никто не имеет права отменить его приказа. Далее.

Централизация и всесторонняя регулировка сверху—душа всей военной организации и всей войны. Народ, часто воюющий, непрерывно дрессируется в этом направлении. Эта дрессировка, конечно, не проходит бесследно ни для народа, ни для власти. Соответственные рабские формы поведения чем далее, тем более и прочнее укрепляются в первом, и прямо или косвенно отражаются на всей его общественной жизни и на всей его общественной организации. Деспотизм военной власти переходит и на ее гражданские функции. При частых и длительных войнах мало по малу ко всему народу прививаются эти черты и содействуют приближению его организации к типу военно-социалистического общества. К тому же приводит и деспотизация самой власти, диктуемая войной то же приходится сказать и о других поступках, прививаемых, кровавой борьбой. Вместо уважения к личности она проповедует и требует убийства, вместо уважения чужих прав—полного нарушения их, вместо любви—прививает злобу, вместо мирного труда—требует разрушения. Все это не проходит даром, ни для народа, ни для власти, ибо всякий наш поступок рикошетом отражается на нас самих и исподволь переделывает нас. Это особенно относится к актам, прививаемым войной. Народ она приучает к рабству, власть—к диктатуре и абсолютизму. Отсюда понятно, почему она ведет к возникновению и расцвету произвола, к обесценению личности, к нарушению и игнорированию ее прав, ее достояния и свободы, т. е. к чертам, характеризующим тип военно-социалистического общества.

Такова вторая сторона войны, ведущая к военному социализму. Наконец, к тому же результату ведет война и третьим путем. Она не только уменьшает население, но резко изменяет и его качественный состав. Она уносит с поля жизни лучших и оставляет выживать худший человеческий материал. В самом деле, в войнах гибнут прежде всего самые здоровые и самые трудоспособные возрастные группы. В армию не берутся больные и калеки, туда не берутся дети и старики, а мобилизуются обычно люди от 18-ти до 45 лет. Далее, преступники, лица морально запятнавшие себя, также не забираются в армию; следовательно они не подпадают риску гибели. Мало того. Трусы, шкурники и лица без глубокого сознания долга стараются не попасть туда, а где-нибудь „окопаться в тылу"; если и попадают, то и здесь стремятся увильнуть от опасности. Лица же, честные с собой, полные сознания долга, этого не делают; стало быть и здесь они рискуют больше. Изучение жертв войны показывает даже, что в войнах прямо и косвенно лица интеллектуально квалифицированные гибнут в большем проценте, чем не квалифицированные. Так, напр., в современной войне потери всей Англии с колониями были около 800.000. Лиц, с высшим образованием и с научной квалифицированной подготовкой на 1000.000 населения Англии приходится около 2000. Погибло же таких лиц за войну гораздо больше. То же приходится сказать и о всех других воевавших странах. Лозунг древних римлян, призывавших к войне, гласил: „Дайте лучших" Этот лозунг глубоко верен. Война отбирает лучших и оставляет жить худших. Но.. мало того. В силу наследственности она уносит не только лучших, но и их потомство; уносит их, как производителей будущих поколений, и ведет таким образом к размножению людей второсортных. Не будь ее—в силу конку-

ренции второсортные люди были бы оттеснены на второй план. Первые места были бы заняты этими лучшими и их потомками. „По векселям войны, правильно сказал Вен. Франклин, платить приходится не во время войны, а много позже, спустя несколько поколений“. И он прав. Эта трагическая роль войны сразу не сказывается, но зато она несомненна и роковая. Особенно при больших тяжелых и частых войнах. Благодаря им качественный состав народа все более и более ухудшается на протяжении ряда десятилетий, и в итоге великий народ может стать бездарным, великое государство — закатиться. В этой роковой роли войны—одна из основных причин падения древней Греции и Рима, где благодаря множеству войн“, и внешних и гражданских погибли почти все «лучшие» и их потомки; новые пришельцы оказались не в состоянии поддержать достижения первых. Это условие (при наличии других причин) повлекло за собой гибель древних государств и культуры.

Вот это то влияние войны на качественный состав населения служит так же причиной, благоприятствующей росту милитаризации общества. Всякое правительство (как и все живые в мире) стремится к беспредельному расширению своей компетенции, вмешательства, опеки и власти, если оно не встречает препятствий со стороны подвластных. Легко понять, что индивиды более сильные физически, более здоровые биологически, более развитые, волевые и моральные способны более успешно сопротивляться этой тенденции власти, чем индивиды слабые и физически и социально-психически. Один факт существования первых в обществе является уже шлагбаумом для беспредельного расширения правительственной власти. Война, унося с поля жизни главным образом такие элементы, тем самым удаляет это препятствие и тем содействует росту правительственной опеки и вмешательства и падению об'ема свободы и автономии подвластных. Остающийся материал 2 и 3-го сорта не может оказать того же противодействия, что эти „лучшие“.

Такова третья сторона войны, ведущая к указанному результату.

§ 3.

После этих предварительных указаний проверим кратко на фактах правильность нашего основного положения. Первое подтверждение сказанному дает сама организация военных групп и всей армии (одинаково: и в внешней и внутренней войне). Возьмите любую казарму, любую военную часть, любую боеспособную армию, любую осажденную крепость. В каждом военном обществе вы встречаете все основные черты охарактеризованного общества.

Власть, по отношению к подчиненным солдатам, здесь абсолютна. Ее сфера регулировки—громадна. Она командует, солдаты повинуются. Солдаты—простой материал, «пушечное мясо» в ее руках. Автономия поведения их ничтожна. Их образ жизни установлен свыше. Их занятия также. Их одежда, жилище, пища, чтение, убежления, развлечения и т. д.—все это предначертано заранее. Малейший протест вызывает кару. Малейшее нарушение дисциплины влечет меры пресечения. Централизация доведена до совершенства. Все исходит сверху, из центра, все направляется им, все опекается им. Свобода, автономия здесь не могут иметь места. Критика мероприятий снизу не допускается. Оценка их—также. От солдата могут в любую минуту потребовать какой угодно жертвы, вплоть до жизни. Он—ничто. Все имущество военной группы—общее. Частной собственности, кроме ничтожных предметов личного потребления, нет. Но нет и равенства. Вся военная группа распадается на ряд ступеней, начиная от верховной власти и кончая простым рядовым. Материальный уровень жизни этих слоев резко различен: генерал живет роскошно, рядовой—часто впроголодь. Степень привилегий также разная: об'ем прав генерала не равен правам простого офицера, права последнего—правам рядового. Царит резкое неравенство. Словом, социальный строй военных групп в общем как раз является тем строем, который принадлежит милитаризованному обществу.

Второй категорией фактов, подтверждающих сказанное, может служить сравнение социальной организации прежде всего примитивных групп—с одной стороны, часто воюющих, с другой—мирных. Как правильно указал еще Г. Спенсер, социальная организация воинственных групп дикарей гораздо более близка к типу военно-социалистического общества, тогда как общественное устройство групп мирных хотя бы той же самой расы, но мало и редко воюющих, гораздо дальше от такого типа.

Напр., у воинственных фулусов власть повелителя неограниченна, подданные—его собственность, у других племен той же кафрской расы, племен мирных, об'ем вмешательства власти и ее права весьма скромны. Близка к вышесказанному организация часто воюющих фиджийцев, ашантиев, дагомейцев, древних мексиканцев, перувианцев и т. д. Чтобы дать представление об ней, позволю привести краткое описание древнего общества перувианцев. Власть здесь была «центром системы, контролировавшей всю жизнь. Она была сразу и военной, и политической, и церковной и судебной главою; нация состояла из рабов (власти) и эти рабы носили звание солдат, работников и чиновников. Военная служба считалась обязательною для всех индейцев; те из них, которые прослужили указанные сроки, отчислялись в запас и должны были работать под надзором государства. В армии были начальники над десятками, сотнями, тысячами. Параллельному управлению было подчинено и государство вообще: все жители были подчинены чиновникам. Церковная организация была здесь устроена подобным же образом. Шпионы, наблюдавшие за действиями других служащих и доносившие об них, имели также свою организацию. Все было подчинено государственному надзору. В деревнях были чиновники, наблюдавшие за пахотой, посевом и жатвой. Когда был недостаток в дожде, государство снабжало определенным пайком воды. Путешествующий без разрешения наказывался, как бродяга; но за то для тех, кто путешествовал по служебным обязанностям, существовало особое учреждение, снабжавшее квартирой и всем необходимым. На обязанности десятников лежало наблюдение над одеждою народа, над тем, чтобы носили те роды платья, которые им предписаны. Сверх этого контроля внешней жизни существовал еще контроль и жизни домашней. Требовалось, чтобы народ обедал и ужинал при открытых дверях, так, чтобы судьи могли входить свободно, (для надзора, все ли идет так, как предписано). Тех, которые дурно содержали свои дома, секли. Под этим контролем народ трудился над поддержанием столь сложной государственной организации. Все чины гражданского, религиозного и военного классов были свободны от налогов, но за то землельческий класс, за исключением находящихся на службе в армии, должен был отдавать весь свой продукт, оставляя себе лишь то, что требовалось для скудного пропитания. Сверх натуральной повинности, состоявшей в обработке земель, работники должны были обрабатывать земли солдат, находящихся на службе. Кроме того, они должны были платить подать одеждою, обувью и оружием. Участки земли, предназначенной на нужды народа, распределялись между отдельными людьми сообразно с их семейным положением. Точно также и относительно продуктов от стад; часть их периодически подвергалась стрижке, при чем шерсть делилась чиновниками. Это устройство было следствием того, что частная собственность находится в пользовании каждого человека только по милости власти (инки). Таким образом, личность, собственность и труд народа принадлежали всецело государству; народ переселялся из одной местности в другую по указанию власти; люди, не служившие в армии, но жившие под такой же строгой дисциплиной, как и армия, были просто единицами централизованной военной машины и направлялись в течение всей своей жизни к наивозможно большему выполнению воли власти и к наивозможно меньшему действию по своей собственной воле. И естественно, что кроме военной организации, доведенной до ее идеальных границ, здесь не замечалось никакой другой организации. Перуанцы не имели монеты; они не продавали ни одежды, ни домов, ни имений и их торговля почти не выходила за пределы простого обмена с'естными припасами» [1]).

Такова конкретная общественная организация одного из древних воинственных народов. В той или иной мере близко к ней устройство и других диких племен, часто воюющих. То же подтверждается и организацией древних исторических народов, для которых война—внешняя или внутренняя—была обычным делом.

Если вы обратитесь к истории древних деспотий Востока, Египта, Персии, Ассиро-Вавилонии, государств воинственных, у которых войны были весьма частыми и чуть не постоянными, вы увидите те же черты военного социализма во всем их устройстве. Здесь даны: и ничтожный об'ем автономии поведения подвластных, и безграничный об'ем власти государства, и почти полное отсутствие частной собственности на средства и орудия производства, и прикрепленность подданных к месту службы, и всесторонняя регламентация властью труда и взаимоотношений населения, и беспощадная эксплуатация населения властью имеющими, и полное бесправие первых.

Не в меньшей, а пожалуй еще в большей степени все это применимо к древним греческим государствам, особенно к Лиципе, к Спарте и к Римскому государству. Из истории последних в то же время мы знаем, что это были чрезвычайно милитарные государства, история которых чуть не сплошь полна войнами, войнами и войнами.

О военном происхождении государственного коммунизма на Лиципе говорят прямо источники, передаваемые Диодором Сицилийским. Сама Лиципа была типичной военной коммуной, жившей грабежом, захватами и военными набегами [2]). То же приходится сказать и о военном социализме Спарты. „Вся община здесь представляла

[1]) Спенсер: Осн. соц., т. II. 436.

[2]) См. Пельман: История античн. коммунизма. СПБ. 1910. 256. 590.

собою настоящее государство—лагерь, и население являлось войском" [1]). Общая картина положения дел в большинстве государств Греции и в Риме в этом отношении такова. „Гражданин здесь во всем и без всякого ограничения был подчинен государству. В человеке не было ничего, что было бы независимым. Его тело принадлежало государству, в Риме военная служба каждого продолжалось до 46 лет, в Спарте—всю жизнь. Имущество его было в распоряжении государства. Не ускользала от всемогущества государства и частная жизнь. Многие греческие государства запрещали человеку оставаться холостым. Спарта наказывала не только того, кто не женился, но и того, кто женился поздно. Государство предписывало труд и работу. Оно простирало свою тиранию до мелочей; в Локре, напр., закон запрещал пить чистое вино. Было обыкновением, что определенная одежда предписывалась законами; законодательство Спарты устанавливало прическу женщин, законодательство Афин запрещало им брать с собой при путешествии больше трех платьев... Словом, здесь не было «ни свободы частной жизни, ни свободы воспитания, ни свободы верований". Человек был рабом государственной власти [2]).

То же было и в Риме: При чем, при достаточности места, можно было бы показать, как в истории этих народов пресс государственного социализма в периоды особенно длительных и тяжелых войн завинчивался сильнее, в периоды мира—давил относительно слабее [3]).

Картина римского милитаризованного общества в III и IV в. в. после Р. Х. была вкратце такой.

1) Власть здесь абсолютна и неограничена; 2) Централизация доведена до максимума; 3) опека населения всесторонняя; 4) свобода и автономия его—не имеются; 5). Частная промышленность и торговля почти отсутствуют: место их занято государственным „плановым" хозяйством; 6) Денежная система также почти отсутствует: она заменена натуральными повинностями, натуральным вознаграждением—„пайками" (имелись и „карточки", марки на хлеб, свинину, вино, зрелища, вплоть до марок на проституток). Пайки были разных категорий. Было бесплатное питание. Каждый год составлялся план: сколько зерна, мяса и т. п. должна доставить та или иная провинция. 7) Наряду с этим на лицо была громадная армия чиновников. Вот как Вальтцинг описывает ряд сторон общественной организации Римской державы этого периода. Здесь «все опекается и контролируется. Но для этого нужен бесчисленный штат чиновников. Он создается, грабит, ворует и тем еще более ухудшает положение». Государству нужны бесчисленные средства, чтобы кормить власть, двор, армию, чернь, легионы чиновников и служащих. Работа населения и профессиональных корпораций «стала обязательной и наследственной. Корпораты и коллегиаты (члены «профсоюзов») теперь принадлежат власти со всем своим достоянием. Государство взявшее на себя удовлетворение всех потребностей населения, неизбежно приходит к необходимости закрепощения даже частного труда. Империя превращается в обширную мастерскую, где под контролем толпы чиновников работают для власти государства и частных лиц. Почти вся промышленность управляется государством; оно же распределяет весьма не равномерно и продукты. Члены корпораций уже не свободные личности, работающие свободно для своей семьи; это—рабы государства, содержимые им, подобно чиновникам, но весьма плохо и голодно. Государственная власть—хозяин земли и труда—кончает здесь буквальным приложением теории Платона, говоря: „как власть я не считаюсь ни с вами, ни с вашим имуществом, как принадлежащим вам самим; я рассматриваю вас, вашу семью и достояние, как собственность государства". Это было воистину подлинной государственной организацией труда, где в руках государства находилось почти все производство и распределение богатств... Для гражданина, как и государства следствия были смертельными. У граждан не было никаких прав, а были только обязанности. Из за одной цели—чтобы они лучше выполняли государственные обязанности—были нарушены священнейшие права личности и отняты важнейшие свободы. Прикованные почти неразрывными цепями к их условиям, заключенные в касты, открывающиеся только для входа, а не выхода, граждане не могли и думать о восхождении по социальной лестнице. Права гражданские и частные! — Они были конфискованы. Право собственности!—Оно исчезло или стало иллюзорным. Профессиональная свобода! – Ее не стало. Корпораты не могли выбирать род работы по их вкусам, призванию

[1]) Там же 31—2.

[2]) F. de Coulanges: La cité antique Paris. 1905. 265.

[3]) Кроме войны при ряде условий, в частности, при наличии имущественной дифференциации к тем же результатам ведет голод, недостаток средств пропитания. Поэтому кривая голодного или военного социализма особенно резко поднимается там и тогда, где и когда совпадают оба эти условия: война и голод или его угроза. Конкретное движение кривой голодно-военного социализма как в древних государствах, так и позже, определяется, главным образом, этими двумя причинами. Но здесь я роль голода оставляю в стороне.

и таланту; они не могли работать, где хотят, пот.-что были прикреплены к мастерской или к городу. Они не имели права устраиваться, где им угодно. Они не имели свободы брака. Они не располагали даже своей личностью. Их жены и дети участвовали в их рабстве. Поистине, этот режим ограбил у них все! И нельзя удивляться тому, что население изо всех сил привывало варваров, как освободителей... Но и лениво голодная чернь, для которой трудилось и страдало столько народа, не была более счастливой. Голод ей угрожал постоянно.. Лучше ли выполнялись другие обязанности? Все эти бесчисленные чиновники создали ли они то, что ожидали от организации столь жестокой и столь тиранической?—Нет! постоянно оказывалось, что все делаемое государством, не было на более успешным, ни более дешевым. Несмотря на бессердечную жестокость —всюду царствовал обман! Всюду контроль был недостаточен. Чиновники разрушали государство взяточничеством, граждан теснили вымогательством. Казна—это разбойничество говорит Сальвиен.

Частный интерес и частное лицо были подавлены. Последнее стало инертным. Частной инициативы не стало. Раз государство предпринимало все—частному лицу было нечего делать»... «И даже там, где царствовало принуждение, не хватало рук для работы. Крестьяне всюду страдали. Страна обезлюдела: подвластные не женились, чтобы не дать жизнь несчастным. Вот результат этой всесторонней государственной организации труда. Никогда не было администрации более придирчивой и жестокой для населения и менее продуктивной для правительства. Этот режим был основан на принуждении: повсюду рука государства. Всюду его тирания. Везде насилие удерживает или рекрутирует работников. Нигде нет частной инициативы и свободной работы". [1]).

Из этих строк ясна военно-социалистическая организация Римского, постоянно воевавшего государства.

Если обратимся к ряду военно-социалистических государств и коммун средних веков, мы увидим и здесь войну (внешнюю или гражданскую), как одну из основных причин (на ряду с голодом) появления таких военно-социалистических обществ. Примерами могут служить военно-социалистическое государство таборитов, [2]) XIV в., военно-социалистические коммуны в Мюльгаузене Ф. Мюнцера и в Мюнстере И. Лейденского и др. [3]).

Словом, и в древности и в средние века у народов часто воевавших, военный социализм процветал. Его кривая в эпохи особенно больших, тяжелых и длительных войн и в периоды, следовавшие за ними, поднималась.

То же можно видеть и в более новое время на истории отдельных народов. И здесь, кривая военного социализма в периоды войн поднималась к временам довольно высоко.

В истории Пруссии таким периодом может служить эпоха Фридриха II-го. Это была эпоха больших войн. Она же была и периодом громадного развития прусского военного социализма. То же было в Австрии в эпоху Иосифа II-го. Еще резче это проявилось во Франции в эпоху революционных—внешних и внутренних—войн, и в период Наполеона. Централизация, бюрократизация, милитаризация, беспредельный рост правительственной опеки, вмешательства и регулировки, „социализация", падение прав и автономии поведения граждан за этот период сделали громадные шаги.

Наконец, ясное до очевидности, наблюдаемое каждым из нас, подтверждение выставленному положению о связи войны и военного социализма дают последние годы, начиная с 1914 г.

С началом войны во всех воюющих странах стал расти и военный социализм. Воюющие общества, образно говоря, стали свертываться, под влиянием усиливающегося давления военной пружины. Даже свободолюбивая, «индивидуалистическая» Англия не избегла общей участи.

Этот сдвиг общественной организации и общественной жизни в сторону военного социализма выразился в тысяче конкретных форм. Главнейшими симптомами этого явления были: 1) В области политико-правовой: расширение функций, компетенции, полномочий и прав власти; и ограничение прав автономии поведения граждан. Всюду, не исключая и Англии, нормальные законы были заменены законами военного времени. Свободы слова, печати, союзов, собраний и т. п. подверглись ограничению; первые стали подвергаться цензуре. Введение чрезвычайных и военных положений означало передачу власти исключительных полномочий. Особенно резко это сказалось в других, кроме Англии воюющих странах. Словом, в этой сфере рост военного социализма проя-

[1]) Waltzing: Etude Historique sur les corporations professionneles chez les romaines. 1896 г., т. II. 480—84 и всюду.

[2]) См. об нем Denis: Huss Paris. 1878. Palacky: geschichte v. Böhmen. Prag. 1851. B. III.

[3]) См. Казер: Polit. und soziale Bewegungen. Schoenlack: Soziale Kämpfe 1894.

Каутский: в сб. Предшественники нов. социализма. СПБ. 1907. т. I. 100—103 и др.

вился ясно. 2) То же произошло и в области экономической жизни страны. И здесь объем вмешательства власти возрос в ущерб автономии поведения и взаимоотношений самих граждан. Множество экономических отношений в сфере производства, обмена, распределения и потребления, раньше регулировавшихся самими гражданами, помимо и независимо от власти, теперь попали под учет, контроль, надзор и прямое руководство последней. Началось дело с области продовольственных отношений и военной промышленности, работавшей на оборону, а затем мало по малу государственная регулировка распространилась и на другие области экономической жизни. Частная собственность в сотне форм подверглась ограничению, и чем больше шла война, тем более сильному. Монополии государства стали расти. Целый ряд отраслей промышленности перешел прямо в его руки, другие под его контроль. Забота о продовольствии, регулирование и распределение последнего подверглись той же участи. Словом место хозяйства, регулируемого автономной волей частных лиц, заняло «принудительно-регулируемое государством хозяйство». Военный социализм стал торжествовать. 3) То же произошло и с психологией и идеологией масс. Место мирной психологии с ее отвращением к крови и голому насилию стала занимать (в разных конкретно формах) психология милитарная, целиком исходящая из принципа голого насилия, видящая в нем спасительный меч, разрубающий все гордиевы узлы общественных неурядиц и зол. Насилие, кровавая борьба, „прямое действие", стали казаться якорем спасения. Введение на земле рая принудительно военным путем, путем насильственного захвата власти, военной диктатуры» спасателей, подчиненных «железной дисциплине»—стало казаться чем то вполне правильным, способным привести к цели. Отвращение к крови исчезло. Вера в животворящую силу мирной борьбы сделалась «буржуазным предрассудком». Психика людей милитаризировалась до последних глубин. Даже терминология людей стала военной. Частичным проявлением этого общего явления служит рост успеха идеологии насильственной социальной революции, вера в диктатуру, быстрое увеличение числа членов „левых" течений, сделавших принцип насилия альфой и омегой своей политики, и падение успеха мирных идеологий (социал реформизма, социал-соглашательства и мирной эволюции). 4) Колосальным образом возросла централизация, бюрократизация и милитаризация учреждений.

Любопытна дальнейшая история этого «романа истории». Кончилась война.. И что же мы видим?—Видим, как во всех странах мало по малу наступил обратный процесс—демилитаризации или падения военного социализма. Необъятные права власти вводятся в берега нормального закона, ее вмешательство ограничивается, промышленность и экономика освобождаются из-под опеки государства, военные положения сменяются нормальными, права и автономия граждан растут, свободы—также, ограничения частной инициативы и... собственности мало по малу отпадают. Словом, пружина военного социализма слабеет, общество начинает возвращаться к мирным формам. То же происходит и в сфере социальной психологии и идеологии. Вновь поднимает голову „реформизм", „соглашательство", и „эволюционность". Общество „правеет", не исключая и рабочих масс (чему не в малой мере мешает кризис и безработица). Это ясно проявилось и на последних социалистических с'ездах Италии, Германии, на с'езде рабочей партии Англии и т. д. Не будь кризиса, этот процесс «размагничивания» общества от чар военного социализма шел бы еще быстрее. Если снова будет война, он остановится, и вновь будет подниматься кривая военного социализма. Так дело обстоит на Западе.

Не иначе оно обстоит и у нас. Война в 1920 г. кончилась. И что же? Сначала почти незаметно, медленно, но уже в 1920 г. начался процесс демилитаризации общества: концессии, продналог, частная торговля, кооперативы—были первыми ясными симптомами поворота. «Новая Экономическая политика», в которой, по правильным словам В. И. Ленина, «больше старого (до коммунистического. П. С.), чем в предыдущей нашей экономической политике» [1]), делает этот поворот ясным и для слепого. Процесс демилитаризации (декоммунизации) развертывается на наших глазах и идет с поразительной быстротой. И опять таки, если не будет войны, он пойдет далее.

Если вновь будет война—дело будет обстоять иначе..

Питирим Сорокин.

[1]) См. М. Правда. 19 окт. „Речь т. Ленина".

Очерки по физиологии голодания.

III.

Что происходит в теле голодающего?

Чтобы понять, какие изменения происходят в теле голодающего, нам придется начать несколько издалека. Нам надо прежде всего отдать себе ясный отчет в том, для чего служит та пища, которую мы и подчас с огромными трудностями добываем для себя.

Можно сказать, что жить это—значит непрерывно проводить через свое тело ту энергию, которая получается солнцем. Пока через тело проходит поток энергии, оно живет; как только этот поток прерывается, наступает смерть.

Каким же образом эта солнечная энергия поступает в наше тело?

Главная масса ее вводится в наше тело в связанном виде, в оцепеневшей или застывшей форме, в виде пищи, и лишь ничтожная часть ее усваивается телом прямо в виде тепла. Пищевые вещества это—собственно,—заряды солнечной энергии, которые мы вводим в наше тело. Излучаемая солнцем энергия, достигнув нашей земли, „застревает", если можно так выразиться, здесь на некоторое время; она поднимает здесь воду в облака, создает ветры и морские течения, строит из безжизненного материала живые растения и питает ими животных, а в виде растительной и животной пищи проникает и в наше тело и оживляет его. Это, может быть, кажется, на первый взгляд, странным и парадоксальным, но каждый пищевой продукт это есть, в сущности, „маленький кусочек солнца", который только ждет того, чтобы, пройдя через тело живого существа, снова вернуться в мировое пространство в виде теплоты.

Когда мы едим, мы совершаем величайшей важности дело: мы заряжаем себя энергией солнца. В нашем теле эти заряды энергии разряжаются, и энергия становится свободной. Она начинает работать в нашем теле таким же образом, как солнечная энергия, застывшая в виде каменного угля, приводит в движение колеса и рычаги паровой машины. Она работает в наших мышцах, когда мы колем дрова, ходим и совершаем всякого рода движения; она же дает возможность нашему сердцу ритмически сокращаться и разносить кровь по телу; она работает в нашей печени, почках, легких и других органах и она же выявляется в нашем мозгу в виде мыслей, творческих образов и т. д.

С точки зрения энергетики, т. е. учения об энергии, наше тело только—сложнейшая машина, и она подчинена всем тем законам, которые властвуют и над каким-нибудь безжизненным механизмом. Как во всякой машине, будь то паровоз, электрическая машина, ветряный двигатель, водяная турбина, часовой механизм и т. д. работает, в сущности, солнечная энергия, так и наше тело живет только благодаря тому, что мы время от времени вводим в себя «кусочки солнца» в виде хлеба, масла, мяса или овощей.

Но пищевые вещества не только снабжают наше тело энергией, они и согревают его. Пища превращается в нашем теле в тепло и поддерживает определенную температуру его. Пища это—своего рода «топливо» для живой машины, которое сжигается в ней и переходит в то тепло, которое свойственно живому телу.

Но составные части пищи очень сильно отличаются от тех веществ, из которых построено наше тело. Чтобы организм мог извлечь из них все необходимое для себя, пища должна подвергнуться целому ряду изменений и превращений. Это и происходит во время т. наз. переваривания пищи в желудке и кишках. Она разлагается и расщепляется здесь на свои элементы и уже в таком виде всасывается из органов пищеварения в кровь, разносится по всему телу и доставляется всем органам.

Сложный химический состав пищевых продуктов можно представить себе в виде крайне сложного мозаичного рисунка, составленного из большого количества мелких цветных стеклышек и камешков. Точно также в виде причудливых мозаичных узоров, но уже совсем иного рисунка, иных сочетаний цветов, можно грубо, но ясно представить себе и химический состав различных частей тела. Подобно тому, как из одной мозаичной картины можно составить другую, только разломав первую на отдельные разноцветные кусочки и сложив их по новому, так и живой организм разлагает пищу на ее составные части, на ее, так сказать, цветные стеклышки и создает затем из них уже в различных органах новые мозаичные узоры. Но когда тот или иной орган живет и работает, то его живое вещество беспрерывно расходуется. Его причудливая мозаика все время теряет отдельные цветные осколочки и кусочки, и чтобы рисунок не изменялся, необходимо, чтобы, на место выпадающих цветных стеклышек, все время вставлялись новые. Это и происходит при питании. Из поступающих в кровь осколков пищевой мозаики организм все время черпает необходимый ему материал для ремонта саморассыпающихся мозаичных узоров различных частей тела.

Развивая наше сравнение далее, можно сказать, что когда организм растет, то мозаики его органов увеличиваются. Самый рисунок и